

Проблема власти, государства и права в философии М. Штирнера, М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина

Е.А. Ежова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ государственно-правовых аспектов философии М. Штирнера, М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Проведено сравнение трех анархических систем с целью выявления общего и особенного в вопросах власти, государства и права, а также обозначены причины, которые повлияли на специфику немецкой и русских анархистских доктрин.

Abstract. In the paper the complex analysis of state-legal aspects of philosophy of M. Shtirner, M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin has been considered. The comparison of three anarchical systems has been carried out with the purpose of revealing of the general and especial in questions of authority, the state and the right. The reasons affected specificity of German and Russian anarchist doctrines have been designated as well.

1. Введение

Как известно, теоретический анархизм никогда не выступал в роли единой доктрины. Классики анархизма по-разному понимали и расставляли акценты в его ключевых позициях: власть, государство, право. Термин "анархия" означает отсутствие власти, однако анархистское учение нельзя назвать философией тотального отрицания. Отказываясь от государства как формы социального общежития, анархистам приходилось примиряться с некоторыми формами власти и права. Понимая власть преимущественно как способность одних людей, используя соответствующие материальные и духовные средства, воздействовать на других с целью добиться от них желаемого поведения, анархисты видели в ней преимущественно негативные, порой губительные последствия для личности и общества.

2. Идея власти в философии М. Штирнера, М. Бакунина и П. Кропоткина

Немецкий философ-анархист М. Штирнер (1806-1856) понятие *публичной власти* не раскрывал и употреблял его только в значении силового давления на личность и общество: "Государство проявляет «власть» (насилие), единичному это не дозволено" (*Штирнер*, 2001). Русский анархист М.А. Бакунин (1814-1876) феномен власти трактовал с этических позиций: "Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен" (*Бакунин*, 1989). Его последователь П.А. Кропоткин (1842-1921) считал, что власть – это помеха, задержка органической работы общества, она – источник раздора и взаимной ненависти в обществе, она всегда "навязывает другим свою волю... под угрозой общественного наказания" (*Кропоткин*, 1990). Этическая оценка власти Кропоткиным совпадает с бакунинской: "Власть портит лучших людей. Вот почему мы ненавидим всякую власть человека над человеком и стараемся всеми силами положить ей конец" (*Кропоткин*, 2002).

Все теоретики анархизма делили власть на *политическую* и *неполитическую*. Политическая ее форма ими подразделялась на государственную и муниципальную. Под неполитической властью они подразумевали экономическую, социальную и духовную ее разновидности. Но надо отметить, что подобная дифференциация общественной власти в учениях анархистов носит приблизительный, условный характер. Носителем политической власти у Штирнера, Бакунина и Кропоткина выступает государство, которое эксплуатирует граждан и манипулирует как отдельной личностью, так и обществом в целом. Государство, понимаемое анархистами как синоним политической власти, произвольно регулирует неполитические формы власти, вмешивается в социальную, экономическую и духовную сферы социальной жизни. "Государство, – писал Бакунин, – это власть, это хвастовство и самовлюбленность силы, это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности" (*Бакунин*, 1972). Кропоткин полагал, что источником политической власти является правительство, а орудием ее приобретения – парламент. Он считал, что опасность представляет власть не только политическая (государственная), но и экономическая: "власть государственных чиновников не менее тяжела для трудящихся, чем власть частного капитала" (*Кропоткин*, 2002).

Государственную власть, как разновидность власти политической, теоретики анархизма разделяли на законодательную, исполнительную и судебную, однако разделение это также носит скорее интуитивный, схематичный характер. Рассмотрение структуры государственной власти в учениях Штирнера, Бакунина и Кропоткина не шло дальше критических замечаний.

Партийную власть Штирнер жестко критиковал за неэффективность, бесполезность и ограниченность ее членов. "Члены всякой партии, – писал он, – которая хочет долго просуществовать, всегда в такой степени несвободны, безличны, неэгоистичны, в какой они служат этой цели партии. Самостоятельность партий обуславливает несамостоятельность ее членов" (Штирнер, 2001). Бакунин и Кропоткин эту форму публичной власти в отдельную категорию не выделяли, специально деятельность политических партий не анализировали и рассматривали ее в общем контексте политической власти. Возможно, это связано с отсутствием или неразвитостью партийной системы в России в XIX в.

Об *информационной власти* упоминается только в немецком анархистском учении. Штирнер обратил внимание на то, что печать в современном ему обществе полностью обслуживает государственную власть и подчиняется ее жесткой цензуре. Немецкий философ призывал: "печать не только должна быть свободной, она должна стать моей собственностью" (Штирнер, 2001).

Специфически классики анархизма понимали *муниципальную* власть. Они видели в ней не разновидность власти политической, тесно связанной с государством, а неполитическую форму сосуществования свободных индивидов, которая предполагает естественное участие коллектива в решении тех или иных проблем в рамках добровольного союза, общины. В учении Штирнера муниципальная власть трансформировалась в свободный, добровольный и самоорганизующийся "союз эгоистов" (Штирнер, 2001). Бакунин, подобно Штирнеру, свел власть на местах к общинной, федеративной. "Провинция, – писал он, – не имеет права быть ничем, кроме свободной федерации автономных общин... Никакая власть не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, ее действия и управление" (Бакунин, 2000). Кропоткин в основу своей концепции муниципальной власти положил бакунинский принцип федерализма, совмещенный (скрещенный) с коммунистическим. Его анархический коммунизм объединял и уравнивал политическую власть в целом с ее неполитическими формами (Кропоткин, 2002). Фундирующий муниципальную власть федеративный принцип, с точки зрения русских анархистов, организовал бы общественные и экономические связи и тем самым обеспечил бы их эффективное взаимодействие. Созданные классиками анархизма "союз эгоистов", анархический федерализм и анархический коммунизм призваны были заменить собой политическую форму власти.

Что касается *неполитических* форм публичной власти, немецкие и русские анархисты сходились во мнении, что экономическая, социальная и духовная ее ветви неправомерно и неоправданно вторичны по отношению к политической, которая, доминируя над ними, определяет качество и объем их функций в обществе. Возможно, это объясняется тем, что в XIX в. в Германии и России историческая ситуация сложилась так, что оба государства с их абсолютистским режимом и отсутствием демократии не только не способствовали развитию экономики, не регулировали действие экономических законов в интересах общества, но прямо деформировали естественные хозяйственные отношения и социальные связи.

Таким образом, сходство анархистских учений заключается, во-первых, в приблизительно одинаковом понимании феномена власти. Классики анархизма публичную власть различали в узком и широком смысле. Под властью в узком смысле слова ими понималась власть политическая, прежде всего государственная. Именно с этими формами власти они связывали принуждение и насилие, злоупотребление, несправедливость и отчужденность от нее человека. Власть же в широком смысле слова понималась ими как власть общественная (публичная) во всех ее проявлениях (экономическая, социальная, духовная), но в любом случае неполитическая и неюридическая. Такая власть постулировалась ими в качестве неизбежной. Поэтому все анархисты сходились во мнении, что необходимо реорганизовать или вообще отменить политические формы власти, особенно государственную. Во-вторых, в анархистских трактовках власти прослеживается несколько основных ее аспектов: *юридический* (установленность государством, официальное ее закрепление законом); *социологический* (власть как разновидность общественных отношений, виды властеотношений, их носители); *психологический* (выявление механизмов формирования чувств, эмоций, инстинктов, обеспечивающих функционирование институтов власти); *пространственный* (от власти внутри социальных групп, поселений, городов до власти всего человечества). В наибольшей степени особенности анархистской доктрины отражают психологический и социологический аспекты власти, поскольку юридический аспект ими отбрасывается (Ударцев, 1992). В-третьих, немецкий и русский анархизм отрицает внешний (по отношению к личности) авторитет (прежде всего политический), *всякую* публичную власть вообще и ее институты над личностью, так как формы управления людьми, связанные с подавлением, отчуждением, несвободой человека противоречат природе анархизма. М.А. Хевеши (1998), специалист по истории русской философии, отметила, что в отказе теоретиков анархизма от власти политической (государственной), в освобождении человека от ее пут, в утверждении свободы личности, ее достоинства и уважения, заключено глубокое позитивное содержание, большой гуманистический смысл.

Главное отличие во взглядах теоретиков анархизма заключено в признании необходимости и целесообразности публичной власти вообще. Штирнер выступал за отмену всякой власти, за ликвидацию самого властного принципа в социальном управлении и предлагал заменить его личной самоорганизацией

и самоуправлением, ибо человек совершенен и не нуждается в какой бы то ни было внешней власти. Она, по его мнению, – главный источник насилия и несправедливости, поэтому никогда не может быть оправдана. В этом факте он видел высшее проявление человеческой свободы и независимости. Русские анархисты планировали упразднить только политические формы власти, в частности, государственную, оставив экономическую, духовную и социальную. Из политической разновидности власти они предпочитали только муниципальную, которую, по сути, трактовали как общественную в целом. Она-то и должна, по их мнению, воссоздать из себя все виды неполитической власти. Другое различие касается структурного расчленения политической власти. Штирнер перечислил все ее современные формы, включая партийную и власть СМИ; Бакунин и Кропоткин же ее отождествляли только с государственной, а такие ее формы как партийная и информационная в их работах практически не упоминаются.

Сходство и различия в понимании института власти философами-анархистами можно объяснить, прежде всего, философскими основаниями их теорий. Субъективизм, идеализм и волонтаризм придали доктрине Штирнера вид последовательного учения о безвластии. Немецкий мыслитель создал наиболее чистую и концептуально завершенную форму воплощения анархического принципа. Основная анархическая идея – отрицание – в его учении выражается с наибольшей яркостью и силой. "У Штирнера, – писал русский философ-правовед *П.И. Новгородцев* (1991), – мы находим бесконечную смелость мысли и силу дерзания, он истинный и бесстрашный анархист". Присутствие идей коллективизма и космополитизма в учениях Бакунина и Кропоткина, наряду с идеализмом и волонтаризмом, заметно отличает русский анархизм от немецкого. Ориентированность русской модели анархического мировоззрения не на отдельную личность, а на общество в целом определила ее специфику и направила ее создателей на поиск новых форм властеотношений, которые, однако, в сущности, повторили назначение и функции государственной власти.

3. Немецкие и русские анархические концепции государства

Важным концептом, вокруг которого объединились все анархистские теории, можно назвать идею отрицания государства. Немецкий исследователь анархизма XIX в. *П. Эльцбахер* (2001) писал: "У них [анархистских учений – Е.Е.] есть общее в том смысле, что все они отрицают государство в более или менее близком будущем. Невозможно более точным образом выразить общие черты представленных доктрин в их отношении к государству, ибо отрицание государства совершенно разнородно в этих различных теориях".

Теоретики анархизма к идее *государства* подходили с нигилистических позиций. М. Штирнер, М. Бакунин и П. Кропоткин считали его общественным злом, орудием человеческой несвободы, которое должно быть сразу или в будущем уничтожено. Немецкому анархисту идея государства представлялась противоестественной. Он полагал, что государство является помехой личному счастью каждого человека. Бакунин и Кропоткин писали о скором крахе государства, думая, что его уничтожит социальная революция. Свою критику теоретический анархизм обрушивал преимущественно на государственную власть – важнейшую разновидность власти политической, так как именно в ней наиболее ярко выражены такие ее свойства, как авторитарность и принуждение, являющиеся главными методами ее реализации. Под государством немецкий анархист подразумевал "общество людей, а не собрание многих Я", которое образует "паутину зависимости и связанности", "оно - [государство – Е.Е.] есть устройство этой зависимости" (*Штирнер*, 2001). Бакунин государством называл историческую организацию принципа власти и опеки, "божеской или человеческой", над народными массами. "Государство, – писал он, – это абсолютное ограничение, это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права, – это и есть государство" (*Бакунин*, 1989). Кропоткин в своем учении характеризует государство как форму общества "взаимного страхования, заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником, чтобы обеспечивать каждому из них власть над народом и эксплуатацию бедноты". Он писал, что оно является покровителем крепостного права и собственности, основанной на захвате чужой земли и труда. (*Кропоткин*, 1991).

Уже представленные определения государства позволяют отметить, что у Штирнера преобладает общесоциальный и скорее социологический подход в понимании этого феномена, тогда как у русских анархистов – классово-политический.

Деятельность государства анархистам представлялась непременно насильственной. Штирнер отмечал, что оно опирается на силу: сила есть нечто большее, чем одно из институциональных свойств государства, она составляет его социальную природу, суть. Он писал: "Государство всегда занято тем, чтобы ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека, делать его "подданным" чего-нибудь всеобщего" (*Штирнер*, 2001). Используя культуру и образование, оно воспитывает послушных и полезных ему граждан, и потому в нем живут только "сделанные люди". Бакунин также его главной чертой называл насилие. "Деспотизм, – отмечал он, – заключается не столько

в форме государства или власти, сколько в самом принципе государства и власти. Последовательная и искренняя теория государства основана главным образом на той в высшей степени теологической, метафизической и политической идее, что массы всегда будут неспособными к самоуправлению, во всякое время должны пребывать под благотворным игом мудрости и справедливости, так или иначе навязанными им сверху" (Бакунин, 1989). Кропоткин развил эту мысль и выделил три базовые характеристики государства, соответствующие его сущности: целевую, организационную и функциональную. Под первой он понимал экономическую эксплуатацию и социальное учение как главное назначение государства. Организационная характеристика предполагала его централизацию, а функциональная подразумевала иерархическое построение государственной институциональной системы. Сущность государства у Кропоткина выступает в единстве этих трех аспектов и заключается в том, что оно является тормозом общественного прогресса и орудием эксплуатации большинства меньшинством.

Главной особенностью государства, с которой связана его неэффективность, по мнению русских теоретиков анархизма, является "правительственная централизация" или "пирамидальная организация", устроенная по принципу "сверху вниз". Именно такая форма государственного правления не дает правительству и парламенту увидеть проблемы его граждан, его народа. Вследствие этой пирамидальной организации государство выполняет только функции насилия и принуждения. "Все, что оно умело сделать, – отмечал Кропоткин, – это выработать систему промышленного рабства" (Ударцев, 1983). Считая государство неспособным эволюционировать и самосовершенствоваться, этот русский анархист утверждал, что любая попытка создать механизмы и структуры, ограничивающие исполнительную власть, то есть государственную, с помощью механизма разделения власти, парламентаризма, права, свободной экономической деятельности и т.п. превращается в формы укрепления государственности, а, следовательно, и насилия. Отсюда Кропоткин вычленил характерные черты государства: абсолютное противостояние обществу и репрессивное отношение к нему, постоянное и неуклонное усложнение и разрастание бюрократического аппарата, охватывающего все сферы социальной жизни, и полное искажение всех социальных ценностей.

Всем теоретикам анархизма была известна западноевропейская доктрина разделения власти, они знали, что государственная власть делится на законодательную, исполнительную и судебную, однако они не всегда придерживались этого деления власти на функциональные структуры. Так, *законодательную ветвь* государственной власти у Штирнера представляют не только парламент, политические партии, но также правительство и само общество. Закон отличается от простого приказа, распоряжения тем, что исходит от правомочного авторитета. "Однако всякий закон, – писал он, – регулирующий человеческие поступки (например, этический, государственный закон и т.д.) всегда является объявлением воли и, следовательно, приказанием" (Штирнер, 2001). Деятельность законодательного собрания он видел только в формировании государственной воли, которая образует сущность права, и укреплении деспотии. Бакунин и Кропоткин, как представляется, точнее, чем Штирнер, определили структуру и назначение законодательной власти. В их теориях она представлена парламентом, который вторичен по отношению к правительству и подчиняется ему. Во второй половине XIX в. парламента, как и вообще разделения власти, в Российской империи еще не существовало, поэтому они делали свои выводы на основе изучения деятельности западноевропейских парламента. Бакунин и Кропоткин видели их очевидные слабости в сравнении с правительственной (исполнительной) властью. Поэтому деятельность парламента ими жестко критиковалась за неработающие и неэффективные законы, враждебные свободе и естественной природе человека. Бакунин считал, что даже самая либеральная и самая демократическая конституция не может изменить жизнь народа и уничтожить это презрительное отношение государства к нему (Бакунин, 1989). Все законы, гражданские и уголовные кодексы "вдохновляются одинаково культом бога, государства, религиозно или политически освященного семейства и собственности и противоречат общечеловеческому праву, а кодекс свободы может быть создан только самой свободой" (Бакунин, 2000).

Кропоткин также критически относился к парламенту и его законодательной деятельности. Законы, считал русский мыслитель, даже если они приняты "Учредительным собранием под влиянием улиц" все равно несовершенны и не отражают интересов всех членов общества. Такие законы не что иное, как "приглашение работать в известном направлении... Но для этого требуется, чтобы на местах были силы, готовые и способные перевести формулы и пожелания закона в реальную действительность" (Кропоткин, 1990). В структуре законодательства русский философ выделил три разряда законов: об охране собственности, об охране правительства и об охране личности. Он был уверен, что законы исходят из права силы воли властного субъекта, поэтому законодательство – аморально по самой своей сути. "Государственные законы и наказание, – писал он, – обнаружили свою полную неспособность поднять нравственный уровень общества... Когда власть берет на себя задачу улучшать общественную

нравственность «наказанием виновных», она лишь порождает ряд новых преступлений – в судах и тюрьмах" (*Кропоткин*, 2002). Вывод, к которому пришел Кропоткин, звучит так: социальную революцию нельзя произвести законами. А парламент, диктующий законы, в социальной революции может выполнять только констатирующую функцию. XIX век русский анархист называл временем "неуспеха парламентаризма", на который будут когда-нибудь указывать как на эпоху его крушения (*Кропоткин*, 1990). Таким образом, классики немецкого и русского анархизма не верили в успех законодательного реформирования существующего политико-правового строя, в гуманное предназначение самого парламентаризма, так как считали их основными недостатками компромисс со старым политическим порядком и сохранение за правительством всех полномочий неограниченной власти.

Всеобщее избирательное право, о котором упоминается только в работах Бакунина и Кропоткина и только в связи с законодательной властью, они называли видимостью, способствующей порабощению трудящихся. "Республиканское государство, – писал Бакунин, – основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под предлогом, что оно представляет общую волю, государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью коллективного могущества" (*Бакунин*, 1989). Острые бакунинской критики было направлено на отсутствие со стороны государства индивидуального подхода к каждой личности, которое он объяснял тем, что государство слишком ограничено, чтобы быть в состоянии охватить, вместить интересы, а, следовательно, и нравственность всего человечества. Скептически к избирательному праву относился и Кропоткин. Он считал его средством определения соотношения общественных сил, легальной формой пропаганды и критики существующего строя, способом реального воздействия на политику государства. В принятии решений большинством голосов он видел лишь механизм разрешения споров между правящими партиями и классами. "Представительный порядок, – писал Кропоткин, – источник всяких зол" (*Кропоткин*, 2002).

Таким образом, в негативном отношении к законодательной ветви государственной власти прослеживается общность взглядов классиков анархизма. Дружная критика Штирнером, Бакуниным и Кропоткиным касалась как структурной организации, так и деятельности парламента, которая представлялась им неэффективной, пустой, напрасной и не отражающей истинных интересов народа. Различия в этом вопросе наблюдаются в детальности и объемности критических замечаний относительно государственного законотворчества. Для немецкого анархиста здесь характерна поверхностность: он не только не зафиксировал механизмы формирования и функционирования парламента, но и вообще опустил рассмотрение парламента как главного участника законодательства. Вместе с тем, все они понимали недемократичность и способов формирования законодательной ветви государственной власти, и характера, направленности её функционирования.

Понятие *исполнительной власти* присутствует во всех анархистских концепциях, однако этот вид власти в них практически не структурирован. У Штирнера исполнительная власть представлена только правительством; в работах же Бакунина и Кропоткина упоминается еще и такая ее разновидность как муниципальная. Деятельность германского правительства, его место и роль в разделении власти немецкий философ в своем учении сколько-нибудь подробно не раскрывает и связывает преимущественно с укреплением господства и навязыванием своей воли гражданам государства. В учении Бакунина исполнительная власть в лице правительства "отлично уживается с так называемой представительной демократией, основанной на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо-народных собраниях. Оба соединяют в себе два главных условия: государственную централизацию и действительное подчинение государя-народа интеллектуальному управляющему им" (*Бакунин*, 1972). Задача правительства, с точки зрения русского анархиста, состоит в том, чтобы наименьшими и наилучше организованными средствами и силами, взятыми у народа, держать народ в повиновении или гражданском порядке и в то же время – предохранить независимость своего государства против честолюбивых замыслов соседних держав и увеличить свои владения в ущерб тем же самым державам. Кропоткин правильно разводил понятия государства и правительства. Последнее есть понятие, фиксирующее "существование власти над обществом". Здесь он правительство трактует в широком контексте, не в смысле ветви в механизме разделения власти, а в смысле правления, социального управления, главным субъектом которого выступает государство. Оно представляет собой "своеобразное сосредоточение управления местную жизнь в одном центре, то есть территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений общественной жизни в руках немногих" (*Кропоткин*, 2002). Русский философ был уверен, что именно правительство определяет характер законодательства, государственную внешнюю и внутреннюю политику, а также добросовестность судебной системы. И вручил неограниченную власть правительству сам парламент: именно он сосредоточил всю власть в руках правительства, которое "всегда будет стараться расширить свои законодательные права" (*Кропоткин*, 2002).

Схематичность, поверхностность в учении Штирнера наблюдается и при анализе структуры и функций исполнительной власти. Русские мыслители в этом вопросе были более продуктивны: в их работах встречаются мысли, которые можно принять за определение правительственного аппарата, и которые раскрывают цели и задачи правительственной деятельности, отражающие внешне- и внутривластные связи с народом и другими государствами.

Судебная власть, как важная разновидность власти государственной, также неоднократно обсуждалась классиками анархизма. Штирнер в качестве главных ее характеристик называл механистичность и необъективность, приводящие к правовой несправедливости. "Суд, – писал он, – ставит перед собой цель принудить людей к «умственному развитию», одним словом, цель государства – это защита Человека, действующего по-христиански от Человека, действующего не по-христиански, укрепление господства и могущества христианского образа действия" (Штирнер, 2001). Судебная система, по мнению Штирнера, надуманная и бесполезная для человека государственная инстанция. Бакунин, критически относясь к отечественной судебной системе, предложил заменить ее независимым и объективным интернациональным судом, назначение которого будет заключаться в том, чтобы "разрешать споры между государствами и их провинциями. Возможные же разногласия между отдельными федеративными государствами могут разрешаться лишь в первой и последней инстанции интернациональным парламентом, который тоже безапелляционно решает все вопросы общей политики, а также вопросы войны против реакционной коалиции от имени революционной федерации" (Бакунин, 2000). Кропоткин судебную власть признавал важным основанием для функционирования различных форм общественной и государственной власти, а суд – эволюционирующим в истории общества учреждением как в догосударственный, так и в государственный периоды. Проследив эволюцию суда в истории, русский анархист сделал вывод, во многом совпадающий со штирнеровским: суд и государство – два взаимодействующих и взаимоопределяющих друг друга феномена, они "логически нераздельны" и являются "необходимым последствием" друг друга. Суд – это "узаконенная месть, именуемая правосудием" (Ударцев, 1992).

Таким образом, в том, что касается судебной власти, взгляды классиков анархизма больше совпадают: во-первых, общая негативная тенденция в отношении государства в целом сохраняется и в отношении государственной судебной системы; во-вторых, Штирнер, Бакунин и Кропоткин равно видели и называли недостатки современной им судебной системы, разногласия наблюдаются лишь в вопросе построения нового судебного механизма. Немецкий философ полагал, что человек сам себе судья и предлагал суд отменить вообще, в то время как Бакунин и Кропоткин видели в суде только крайнюю необходимость, которая возникала бы редко, и использовалась в особенных случаях для разрешения споров между федерациями, международными трудовыми ассоциациями и народами вообще. Все текущие спорные моменты решались бы на месте в рабочем порядке членами трудовых сообществ.

Что касается всей государственно-правовой системы, то оба русских анархиста рассматривали государство как институт, не имеющий будущего. В период социально-политических реформ, отмечал Бакунин, государство в полной мере раскрыло свою антинародную сущность, "окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже без того развращенную своим патриархальным началом" (Бакунин, 1989). Штирнер, видимо, тоже ненавидел современное ему государство и желал его реконструкции, но это преобразование приобрело внутренний, интериоризированный характер. Как субъективный идеалист, он был убежден, что подобная перестройка имеющегося государства связана с реорганизацией самой личности, и что, изменив содержание человеческого сознания, можно добиться изменения имеющегося политико-правового строя, который, возможно, будет совпадать с порядком в "союзе эгоистов". Исследователь немецкого анархизма XIX в. В. Саводник (1902) отмечал, что книга Штирнера есть "продукт чисто отвлеченной работы ума, произведение холодной мысли, ни перед чем не останавливающейся и неизменно последовательной в своем разрушительном анализе. Штирнер – теоретик, кабинетный мыслитель. Создавая свою отвлеченную систему, он, по-видимому, ни разу не постарался представить себе ясно, какой вид примут его теории в приложении на практике".

В этом плане устремления русских анархистов отличаются от взглядов немецкого предшественника. Бакунин, оставаясь непримиримым антигосударственником, призывал к полному уничтожению государства "для избавления народного" и доказывал необходимость революции как единственно возможного средства коренного преобразования общества. "Мы хотим окончательного освобождения из-под всякой государственной опеки... Настоящая революция состоит именно в совершенном уничтожении всякой опеки, в коренном упразднении всякого государственного управления. Мы хотим совершеннолетия народного" (Бакунин, 1989). Кропоткин также считал, что "полнейшее уничтожение государства является исторически необходимым, потому что государство – это отрицание свободы и равенства, потому что оно только портит все, за что принимается, даже тогда, когда хочет провести в жизнь то, что должно служить на пользу всем" (Кропоткин, 2002). Надо отметить, что оба русских

философа не отвергали социальное управление как таковое, но они были противниками централизованного управления "сверху вниз". Взамен подлежащего разрушению механизма государственного управления Бакунин предложил федеративную свободную организацию – "снизу вверх" – рабочих ассоциаций, групп, общин, областей и народов. В работе "Принципы и организация интернационального общества" Бакунин ратовал за "радикальное упразднение" всех существующих религиозных, политических, экономических и социальных институтов и за "новообразование" сначала европейского, а затем всемирного общества, базирующегося на принципах свободы, разума, справедливости и труда. Для реализации этих целей и принципов, с точки зрения анархиста, необходимы, во-первых, "радикальная отмена всякой официальной религии"; во-вторых, отмена монархии; в-третьих, установление республики; в-четвертых, отмена рангов, классов, привилегий; в-пятых, уравнивание в политических правах мужчин и женщин; в-шестых, "уничтожение опекающего централистского государства" и упразднение всякого центрального управления, бюрократии, постоянного войска и государственной полиции (Бакунин, 2000).

Кропоткин в основание своего общественно-политического идеала положил идеи Бакунина. Он писал: "Полнейшая независимость общины, союз свободных общин и социальная революция внутри общины, то есть корпоративные группировки людей для производства, которые заменят государственную организацию существующего теперь общества, – вот идеал, который, как показал Бакунин, встает теперь перед нашею общественностью по мере того, как мы выходим из мрака прошедших веков" (Кропоткин, 2002). Надо отметить, что бакунинским термином "федеративный" Кропоткин характеризовал не столько форму государственного устройства, сколько способ организации общества и понимал его в значении "вольный", "безгосударственный", "анархический". "Понятие «федерализм», – отмечает современный исследователь творчества русского анархиста *Е.И. Михайлов* (2001), – у Кропоткина слилось с понятием «анархия». Федеративное начало, по мнению Кропоткина, возникает тогда, когда государство перестает исполнять или утрачивает какую-либо свою функцию, и она начинает исполняться обществом". Для русского анархиста идеальное государственное устройство есть демократическая федеративная республика, где демократия в его понимании – это широко развитое неполитическое самоуправление, которое может существовать только тогда, когда соединение мелких частей общества в одно целое происходит на федеративной основе. По его мнению, "демократический республиканский строй и федеративное начало идут рука об руку... Одно без другого неосуществимо" (Кропоткин, 1994). Теоретически осмысливая федерализм, Кропоткин видел будущее за системой управления, которая будет лишена основных черт государства. Он доказывал пагубность централизованной политики царского режима в России, провозглашал идею широкого местного самоуправления и строительства федерации снизу посредством заключения свободных договоров. Залогом нового федеративного устройства, по Кропоткину, будут несколько уравновешивающих друг друга частей без преобладания одной из них. Важно в будущем строе отказаться от национального давления и создать федерацию на основе хозяйственно-территориального признака. Главным элементом будущей федерации, по его мнению, должны стать производственные союзы, где будут представлены, по возможности, все отрасли промышленности и земледелия. Подобная децентрализация, считал мыслитель, создаст условие для прогресса социально-экономических отношений (Кропоткин, 1964).

В своих работах необходимость федерации в России Кропоткин доказывал различными аргументами: опытом исторического развития стран, опередивших Россию (Германия, Англия, Франция, США); федералистской интерпретацией периода феодальной раздробленности; громадностью территории Российской империи; признанием федеративной организации наилучшей формой прогрессивного общественного развития; разнообразием быта ее частей; национальными особенностями и необходимостью при этом единства всех частей для противостояния завоеванию – гибели; тенденцией развития общественно-политической мысли в России и др. Кропоткин в своих теоретических построениях продвинулся дальше своего учителя – что касается будущего государственности – в сторону коммунизма. Он попытался соединить коммунизм и анархизм, полагая, что "на деле они составляют необходимое дополнение друг для друга". Коммунистический анархизм – новая государственно-правовая модель общества, залог полного развития личности и ее личных особенностей. Его построение должно быть "делом всех", он должен быть создан творческим умом самого народа: без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех он не мог бы существовать, и задохнулся бы в атмосфере власти. Он тогда только и может достичь своей цели, если покроет общество целою сетью артелей и обществ, служащих для удовлетворения всевозможных потребностей: нужды довольства, роскоши, изучения, развлечений и т.д. (Кропоткин, 2002).

Будучи убежденными анархистами, Штирнер, Бакунин и Кропоткин имели разные цели при изложении своих теорий. Немецкий философ, например, никогда не давал прогнозов относительно организации государства нового типа, устройства будущего общества, оставаясь всецело на позиции

негативизма. Его анархистская доктрина отличается условностью, схематичностью, а, значит, необязательностью своего воплощения. Русские же философы мечтали об анархической федерации и анархическом коммунизме, которые предполагают свободное безгосударственное общество, основанное на справедливости. Эти идеи они надеялись осуществить посредством реального народного бунта, носящего всеобщий массовый и стихийный характер. В этой активной и конкретной решительности состоит главное отличие их тактики и специфики направления в русском освободительном движении.

Все анархические учения в этой части объединяет идея отрицания государства, которая возникла под действием одинаковых как для Германии, так и для России причин. Падение интереса к политике со стороны граждан, неэффективность работы государственного аппарата, своекорыстие политиков, разгул бюрократии, некомпетентность избирателей, а также малограмотность двух народов – все это породило анархистские концепции Штирнера, Бакунина и Кропоткина. Анархисты не надеялись решить социальные проблемы посредством повышения уровня компетентности правительства и представителей народа в парламенте. Несостоятельность буржуазной демократии, согласно теоретическому анархизму, требуют ее отрицания, перехода к системе анархической власти и управления. Цель анархистов – коренное преобразование общества на безвластных анархических началах. У Штирнера – это свободный "союз эгоистов", у Бакунина – анархическая федерация, у Кропоткина – анархический коммунизм.

4. Анархистская философия права

Такой связанный с государственной властью феномен, как *право*, Штирнер также трактовал специфически. Под правом он понимал "дух общества", что свидетельствует о его знакомстве с "исторической школой права", созданной его соотечественниками. "Если общество имеет волю, – писал он, – то эта воля – право... Но так как общество существует только посредством господства над единичным, то право – это его воля, воля повелителя". Он правильно полагал, что право порождается обществом: "все право и вся власть принадлежат совокупности народа... Совокупность всегда первенствует над единичным лицом и имеет силу, которая называется правом" (Штирнер, 2001). Здесь Штирнер следует традиции, от Сократа до Руссо. Бакунин о правотворчестве писал более пространно: "Эксплуатация труда народных масс в пользу собственников, освященная церковью во имя вымышленного божества, которое попы постоянно заставляли становиться на сторону более сильных и более ловких, – вот что называется правом" (Бакунин, 2000). Этой мыслью он подтвердил свою причастность к линии Гоббса – Гегеля – Маркса. Под правом русский анархист понимал духовное, неюридическое социальное регулирование, выработанное обществом в процессе своей эволюции и закрепленное в законодательстве. Кропоткин также уделял внимание истокам правообразования; под правом он понимал неписанное, естественное право, еще не интегрированное в систему санкционированных государством обычаев. Право по Кропоткину – это "народные понятия о справедливости" (Кропоткин, 2002).

Существующее современное немецкое право Штирнера не устраивало. Он полагал, что государство и общество не могут быть *полноценными* источниками права, так как они самостоятельно формируют и предоставляют по своему усмотрению фиктивное, абстрактное право, не учитывающее интересы конкретной личности: "Всякое существующее право – право, которое мне «дают», «распространяют» на меня" (Штирнер, 2001). Штирнеровское право представляется субъективным по форме и базируется на волеизъявлении отдельно взятого, конкретного индивида, который может оставаться не включенным ни в какие общественные объединения, но оно всегда антипозитивное (то есть не установленное волей государства) и антиобщественное по возникновению. Бакунин также был противником позитивного, волеустановленного права и придерживался естественно-правовой концепции. В правовой теории Кропоткина содержатся элементы философско-антропологического, исторического, психологического, биологического и социологического подходов к рассмотрению права. "Кропоткин, – отмечает С.Ф. Ударцев (1983), – попытался обосновать отрицание государства и связанного с ним права историческими фактами. Свое направление он назвал «скептической школой» и причислял к ней также и Бакунина". Во второй части "Этики" Кропоткин отмечал близость своих взглядов к естественно-правовым теориям прошлого. Эти идеи в контексте его анархической теории противопоставлялись современному ему законодательству, действующим юридическим нормативным актам, которые критиковались, дискредитировались и отрицались.

Предложив источником права сделать не природу, государство, общество или бога, а единичную личность, Штирнер содержанием права объявлял волю конкретного индивида, собственную волю. "Я сам решаю, – писал он, – имею ли я на что-нибудь право; вне меня нет никакого права. То, что мне кажется правым, – и есть право... Ибо сила выше права". Штирнер классифицировал право на "чужое" и "мое". "Чужое" право в его понимании – это не субъективное право другого индивида, а то, которое предоставляет природа, общество или государство, то есть "чужое" право включает в себя как естественное, так и позитивное. "Мое" право – это то, которое "зародилось во мне и исходит только от

меня" (Штирнер, 2001). Содержанием же права у Бакунина и Кропоткина является воля не отдельной личности, как у Штирнера, но "мнение народное", волеизъявление членов профессионального союза, гильдии, общины, то есть коллективная воля членов какой-либо общности, а источником права у русских анархистов выступает реальный коллектив, община, федерация, вырабатывающая определенные правила и нормы. В работе "Принципы и организация революционного общества" Бакунин классифицировал, перечислил и раскрыл содержание политических и экономических, индивидуальных и коллективных прав. Там же он противопоставил человеческое право праву позитивному. "Необходимо, – писал Бакунин, – проводить четкое различие между историческим, политическим или юридическим правом и рациональным или просто человеческим правом. Первое правит миром вплоть до сего часа, заставив его смириться с кровавой несправедливостью и угнетением. Второе же право станет орудием нашей эмансипации" (цит. по: *Политические учения...*, 1979). В произведениях Кропоткина также обнаруживается некое подобие классификации правового феномена – это три "проявления" права, не совпадающих с законодательством и существующих независимо от него: инстинктивные основы права, обычное и естественное. Об инстинктивном праве Кропоткин стал писать тогда, когда, изучая эволюцию животного мира и человеческого общества, отметил наиболее общие принципы поведения человека как биологического существа. Они определяют и формируют механизмы индивидуального и коллективного человеческого поведения и закрепляются в индивидуальном и общественном сознании, превращаясь в инстинктивные атрибуты человеческого существования. Кропоткин обратил внимание на то, что воля отдельных особей инстинктивно согласуется и естественным образом упорядочивается с волями и намерениями других особей, целого стада, стаи, колонии. В этом он видел "зачатки инстинктивного права". Под обычным правом русский философ правильно подразумевал неоформленную и незакрепленную в государственном законодательстве систему народных обычаев. К естественным правам Кропоткин неудачно относил некоторые политические права, такие как свобода слова, печати, сходок, неприкосновенность жилища и др., которые современная юриспруденция рассматривает как позитивные (приобретенные). Они могут быть записаны или не записаны в законе, считал мыслитель, но в любом случае их реальность и жизненность не зависит от закона. Гарантом этих естественных прав является реальная сила народа. "Мы утверждаем, – писал Кропоткин, – что не у конституции следует выпрашивать эти права: их надо брать с боя. Закон ... не может обеспечить этих совершенно естественных прав. Только тогда, когда мы, сознавши свою силу, станем силою, способною взять эти права – только тогда мы сможем заставить их уважать" (Кропоткин, 1921). Так что из всех теоретиков анархизма Кропоткин в этой части наиболее полно отразил сущность, структуру, содержание и источники права.

Все анархисты понимали право как один из социальных регуляторов, но его необходимость в обществе признавалась не всеми. Штирнер утверждал, что если право и необходимо, то оно должно быть непременно "моим". Он ввел термин "эгоистическое право", которое выражалось формулой "мне так удобно, поэтому это мое право". Фактически право в философии Штирнера свелось к способности овладения и обладания. То, что это породит всеобщее насилие, немецкого философа не смущало: "Право – это милость, даруемая мне судьей, сила же и власть только во мне, властном и могучем" (Штирнер, 2001). Однако у Штирнера там же есть еще одна мысль, которая не позволяет воспринять вышеизложенное как эпатажный выпад и помогает понять, что его правовая модель относится не к реальной практике, направленной на формирование, конструирование и внедрение права в социум, а к формированию самой идеи права как важной составной части индивидуального самосознания и самопознания. Он писал, что важно стать тем, чем человек в силах стать, только на это он и имеет право. Все права он должен черпать в самом себе и для себя. Здесь, исходя из контекста, Штирнера следует понимать в смысле "я имею право стать тем, чем хочу, чем могу и чем должен", личность вправе самоактуализироваться в соответствии со своими потребностями, способностями и интересами, используя для этого материальные и физические средства. Русский философ *И.А. Ильин* (1994) отмечал, что в учении Штирнера "право поглощается утонченной концепцией силы – представлением о личных способностях, об индивидуальной потенции человека во всем его своеобразии". Эгоистическое право Штирнера, субъективное по сути, необходимо личности для собственного саморазвития, для приобретения своеобразия, уникальности, "единственности". Русская же теория анархизма, наоборот, требует порядка в совместном существовании людей и стремится к гармонии общественного бытия, но порядок в таком обществе, как полагали Бакунин и Кропоткин, должен быть иной, чем в государстве, а правовое принуждение не должно существовать вовсе. Как можно представить это в положительном виде – русские анархисты не давали четкого и однообразного ответа. В классическом анархизме можно выделить два направления, которые хоть и отрицают правовое принуждение при организации социальной жизни, вместе с тем требуют осуществления двух отличающихся друг от друга порядков – индивидуалистическое и коллективистское. Если рассматривать эти два направления станет ясно, что анархизм, как немецкий, так и русский, борется против именно правового принуждения как такового.

Немецкий исследователь анархизма XIX в. *Р. Штаммлер* (1906) предложил правовую систематизацию анархического учения. Он отмечал, что анархизм – это организация человеческого общества исключительно на основании "конвенциональных правил", и что "правовая организация планировалась анархистами либо на основании исторически сложившейся частной собственности, либо на основах социального производства".

Штирнер, Бакунин и Кропоткин ставят вопрос: можно ли найти всеобщее значимое доказательство тому, что правовое принуждение необходимо для организации человеческого общежития, и каким оно должно быть? Штирнер полагал, что нет никакой естественной необходимости устанавливать регулирующие нормы для упорядочения общественной жизни. Все правила, нормы, регулирующие взаимные человеческие отношения, следует рассматривать как продукт человеческой деятельности, как орудие и средство. "Когда анархизм в наиболее чистом и последовательном выражении своем у Штирнера отвергает право и государство, он совершает акт этого отвержения в форме безусловной и окончательной, – отмечал *П.И. Новгородцев* (1991) – Штирнер отрицает не только власть и принуждение, но также и норму, и регулирование, и рационализацию жизни во имя эгоизма отдельного конкретного человека. Он отрицает государство и право, потому что в каждой норме, в каждой связи, в каждом общем отвлеченном положении видит насилие над естественными, индивидуальными притязаниями, над живыми конкретными людьми". Поскольку анархизм не признает по существу необходимость правового порядка и даже борется с этим видом социальной организации, объявляя его насильственным, он в противоположность ему выдвигает общины типа "союза эгоистов", федерации, ассоциации и т.п., в основании которых лежат "конвенциональные", согласительные правила, в которых право превращается в антипозитивное и устанавливается не государством, а другими участниками общежития. Однако классики анархизма не учитывали того, что такие союзы, составляющие сущность анархизма, возможны только для людей, которые действительно располагают свойствами, необходимыми для договорного соглашения с другими членами общежития.

Таким образом, сходство анархических доктрин по вопросу права заключается, во-первых, в признании только естественных (природных) и не в коем случае не волеустановленных государством оснований права; во-вторых, в недооценке важности правового регулирования социальных процессов. Анархизм не учитывал того, что участвовать в анархической организации общества могут только люди, обладающие конкретными полезными эмпирическими характеристиками, для других же – младенцев, тяжелобольных, слабоумных и стариков – она остается недоступной. В-третьих, все анархические доктрины игнорируют тот факт, что путь к социальному прогрессу лежит не через устранение правового принуждения, а через совершенствование содержания права, его применения и охраны, исторически унаследованного и необходимого. Анархизм принципиально восстает против правовой организации общества вообще. Ему противен современный общественный строй не потому, что правовые нормы устарели или отстали от экономического развития, которое они преимущественно тормозят. Теоретический анархизм борется против существующего строя потому, что он представляет собой априори принудительную организацию. "Всякое принуждение, – отмечал *Штаммлер* (1906), – даже так называемое правовое принуждение является, согласно анархизму, само по себе несправедливостью и поэтому никогда не может быть оправдано".

Различия же в этом вопросе касаются главным образом *определения* феномена права. Так, Штирнер право понимал как узаконенную самим человеком возможность самоосуществления и свободу самовыражения в соответствии со своими потребностями, способностями и возможностями, используя для этого необходимые природные и социальные ресурсы. Бакунин и Кропоткин право трактовали как совокупность естественных и согласованных со всеми членами общежития норм, правил, в установлении и охране которых участвуют также все члены сообщества. Другое различие касается использования разных теоретических концепций для понимания права.

Деструктивный характер государственно-правовым аспектам классического анархизма придали общие для обеих стран политико-экономические причины. Для Германии 1840-х и России 1860-х годов были свойственны, во-первых, отмирание феодально-крепостнического строя, зарождение и формирование капиталистического способа производства; во-вторых, отсутствие необходимых эффективных политико-экономических реформ, бюрократизация государственного аппарата; в-третьих, резкое обнищание крестьянства и ремесленничества; в-четвертых, крестьянские восстания и рабочие бунты; в-пятых, как следствие этого – усиление правительственной реакции, ужесточение цензуры, укрепление полицейской и пенитенциарной систем.

Штирнеровский анархизм формировался в Пруссии, которая по сравнению с другими областями Германии была более отсталой в экономическом, социальном и политическом отношениях. В соседней Рейнской области, где либеральная буржуазия возглавила оппозиционное движение против реакционной Пруссии, развитие капитализма происходило более быстрыми темпами. Рядом с либеральным

движением на южно-германских землях зародилось демократическое движение с требованием проведения экономических, политических и социальных реформ. Прусская оппозиция, не имея прочной социально-политической базы, опиралась на малочисленную интеллигенцию, которая не представляла самостоятельную общественную силу. Промышленность Пруссии опиралась на ремесленное производство, основу которого составляли крупные мастера-ремесленники. Они, стремясь стать официальными, штатными поставщиками королевского двора, были настроены консервативно, проправительственно. Мелкие же ремесленники, не выдерживая конкуренции с крупными и средними собственниками (производителями), разорялись, пополняя ряды безработных в городах. Одновременно с развитием либерально-демократического движения в южных и западных землях Германии в связи с ускоренным промышленным подъемом формировался фабрично-заводской пролетариат из числа разорившихся крестьян и ремесленников. В Пруссии все эти процессы шли медленнее, чем в других частях страны. Рабочие страдали там от двойного гнета: капиталистического и феодального. Сельское хозяйство Германии, в т.ч. и Пруссии, составляли юнкерские хозяйства, пользующиеся даровым трудом крепостных крестьян, обрабатывавших барщину. Крепостные крестьяне, доведенные жестокой эксплуатацией со стороны помещиков до крайнего обнищания и отчаяния, стали устраивать стихийные бунты, которые жестоко подавлялись, что мало способствовало политическим реформам. Период 1840-х годов в германской истории обычно называют "домартовской эпохой", т.е. эпохой, подготовившей революцию в марте 1848 г. в Силезии. Такова была политическая и социально-экономическая ситуация в Германии, ставшая причиной возникновения в немецком обществе пессимистических и нигилистических умонастроений. Именно глубокие кризисные процессы во всех сферах общественной жизни породили анархистские тенденции, а нарастающее недовольство всех слоев общества в условиях жесткой правительственной цензуры накапливалось и искало выход.

В России распространению анархистских идей также способствовал ряд специфических факторов. Прежде всего, это глубокий и перманентный кризис самодержавного и крепостнического государства, ставший очевидным в середине XIX в. и не преодоленный до конца в ходе непоследовательных буржуазных преобразований. Мелкотоварное производство, характерное для России, с его психологией автономии и недоверием к государственному вмешательству, сохранение общинных традиций крестьянства, казачьего самоуправления, уклад жизни раскольников свидетельствовали о сохранении в народе традиций негосударственной организации. Обширность территорий и пестрота национального состава России были таковы, что государственное устройство не было особенно прочным, а власть – глубоко проникающей во все социальные слои. Под флагом единой и неделимой России многие земли и народы продолжали жить по своим обычаям. Изменение социальной структуры страны в результате развития капитализма, образование значительных по численности маргинальных слоев в лице неразвитого городского пролетариата, люмпен-пролетариата и беднейшего крестьянства, радикально-нигилистическое по отношению к государству, праву и власти настроение многих представителей интеллигенции создавали атмосферу нестабильности и революционных ожиданий. Надо отметить, что государство в русском обществе никогда не пользовалось уважением из-за его неэффективной внешней и внутренней политики, коррумпированности и оторванности от общества. Составляющий основу мирового анархизма антиэтатизм для русской философии является символическим, знаковым. Вся отечественная мысль XIX в. пропитана государственно-правовыми идеями и направлена на поиск решений социально-политических проблем. Нелюбовь и критически-нигилистическое отношение к государству, вплоть до его отрицания, свойственны не только простому русскому народу, но и мыслящей интеллигенции. "Идейной формой русской интеллигенции, – отмечал П.Б. Струве (1991), – является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство выступает в духовной истории в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка как таковых (Бакунин, Кропоткин)".

Наряду с общими тенденциями, которые наблюдались в политической, экономической, социальной и духовной ситуациях двух стран, существуют также и особенные причины, определившие содержание и специфику трех анархистских учений.

Критическое отношение к государству у Штирнера развилось под влиянием идеалистической философии радикального (левого) крыла гегельянства, которое характеризовалось акцентированием на решающей роли личностного, субъективного фактора истории (противопоставляя его гегелевскому мировому духу). Духовными центрами, где звучали смелые и критические речи младогегельянства против политики государства, религии и т.п., стали кафе и салоны (такие как, например, "Штехели"), где в середине 1842 г. сложился кружок "Свободные", в который входили братья Бауэр, Эдуард Мейен, Людвиг Буль, Каспар Шмидт (М. Штирнер) и др. Реакционность прусского государства "Свободные" объясняли влиянием на него христианской церкви, критиковали политику "золотой середины", считая ее

несовместимой с диалектическим движением самой истории. Младогегельянские теоретики, в т.ч. Штирнер, стремились развить прогрессивные стороны учения Гегеля, но от его объективного идеализма многие из них пошли к субъективному идеализму Фихте. Оформившихся, устойчивых политических убеждений большинство членов младогегельянского кружка не имело, поэтому многие в своих политических взглядах тяготели к крайнему волонтаризму, нигилизму и эгоизму. Поэтому Штирнер впоследствии перешел на позиции анархизма.

Антиэтатизм Бакунина и Кропоткина сформировался в результате постоянного наблюдения и анализа современной им отечественной политической, экономической и духовной ситуаций. Возможность сравнения и сопоставления, благодаря эмиграции, уровней жизни в европейских странах и в России подтолкнули русских философов к мысли о необходимости радикальных политических реформ в короткие сроки.

5. Заключение

Прямое или косвенное присутствие понятий власть, государство и право в доктринах Штирнера, Бакунина и Кропоткина, наличие многих сходных позиций и точек соприкосновения позволяет объединить эти, разнородные на первый взгляд, философемы в определенную философскую целостность. Понимание сущности и назначения власти, государства и права Штирнером, Бакуниным и Кропоткиным характеризуется недооценкой значения этих государственно-правовых феноменов в организации и управлении социальными процессами. Основное отличие русской анархической концепции от штирнеровской заключено в понимании государственного устройства как широко развитого неполитического самоуправления, которое осуществимо только при объединении общественных организаций в целое на федеративной основе. Заслуга немецкого и русского анархизма заключается в том, что он осуществил десакрализацию власти, государства и права, которые опираются на необходимость опеки над человеком. В их сочинениях показана неразрывная связь между властью и эксплуатацией, правом и насилием, которые способствуют порабощению и отчуждению личности, а также предпринята попытка поиска путей их преодоления.

Литература

- Бакунин М.А. Анархия и порядок. М., ЭКСМО-Пресс, 704 с., 2000.
- Бакунин М.А. Кнута-германская империя и социальная революция. В кн.: *Антология мировой философии в 4 т. М., Мысль*, т.4, с.348-364, 1972.
- Бакунин М.А. Прибавление к книге "Государственность и анархия". В кн.: *Революционное народничество 40-х гг. XIX в. М., Наука*, с.38-56, 1964.
- Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., Правда, 623 с., 1989.
- Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч. В 10 т. М., Русская книга, т.4, с.42, 1994.
- Кропоткин П.А. Unium in pluribus. *Новое время*, № 21, с.41, 1994.
- Кропоткин П.А. Анархия. М., Айрис-Пресс, 576 с., 2002.
- Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? В кн.: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Под ред. Б.С. Итенберга. М., Наука*, с.56-118, 1964.
- Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Пг.-М., Логос, с.46, 1921.
- Кропоткин П.А. Хлеб и воля. М., Правда, 368 с., 1990.
- Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. М., Политиздат, с.394-395, 1991.
- Лузянин Г.И. Канадское путешествие П.А. Кропоткина. *Новая и новейшая история*, № 3, с.239, 1994.
- Михайлов Е.И. Теория федерализма П.А. Кропоткина. *Социально-гуманитарные знания*, № 5, с.253, 2001.
- Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Пресса, с.314-315, 627, 1991.
- Плеханов Г.В. Анархизм и социализм. В 4 т. М.-Пг., Слово, т.4, с.191, 1923.
- Политические учения: история и современность. Марксизм и политическая мысль XIX в. М., Наука, с.177, 1979.
- Саводник В. Ницшеанец 40-х годов: М. Штирнер и его философия эгоизма. М., Кушнеров и К°, с.88, 1902.
- Струве П.Б. Интеллигенция и революция. В кн.: *Вехи. Из глубины. М., Правда*, с.153, 1991.
- Ударцев С.Ф. Власть и государство в теории анархизма в России. В кн.: *Анархия и власть. Под ред. К.М. Андерсона. М., Наука*, с.55, 1992.
- Ударцев С.Ф. П.А. Кропоткин. М., Наука, 215 с., 1983.
- Ударцев С.Ф. П.А. Кропоткин. М., *Юридическая литература*, 305 с., 1989.
- Хевеши М.А. Анархизм и нигилизм как умонастроение. *Социс*, № 2, с.122, 1998.
- Штаммлер Р. Теория анархизма. М., Труд и воля, с.8, 53, 1906.
- Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб., Азбука, 234 с., 2001.